

К. Я. Грот. Пушкинский Лицей (1811--1817). Бумаги I курса, собранные академиком Я. К. Гротом СПб., "Академический проект", 1998

[OCR Бычков М. Н.](#)

В введении к нашему сборнику, по поводу собирания моим отцом реликвий и бумаг 1-го, Пушкинского курса, помещено несколько воспоминаний о его пребывании в Лицее и раннем благоговейном отношении его к лицейской старине, к Пушкину и к Пушкинским преданиям. Эти воспоминания заимствованы главнейшим образом из его известной книжки, посвященной Пушкину и Лицею. Но свидетельства и впечатления Я. К. Грота, как воспитанника VI курса, столь близкого к Пушкинскому "шестилетию" Лицея, еще окруженного его обстановкой и отчасти персоналом и как бы дышавшего той же духовной атмосферой, настолько важны и ценны, что будет вполне уместным остановиться на этом предмете здесь еще раз, чтобы познакомить читателей вообще с воспоминаниями Я. К. о пребывании своем в Лицее, в их целом, вошедшими в его "Автобиографические Заметки" {Автобиографические заметки, см. "Я. К. Грот. Несколько данных к его биографии и характеристике" СПб. 1895 и "Труды" Я. К. Грота, т. V, стр. 5--12}.

В дополнение к материалам этого сборника я считаю поэтому вполне целесообразным поместить здесь это извлечение из "Заметок" и присоединить к нему, в виде комментария, несколько известий, документов (писем) и выдержек из личных лицейских бумаг Я. К., сохраненных им от пребывания в Лицее.

Вот это извлечение из автобиографии:

"Лицейский пансион {Где Я. К. Грот учился с 1823 г. *К. Г.*} служил тогда единственным рассадником для Лицея. В последний переходили через каждые три года 25 лучших пансионеров известного возраста, и там учение продолжалось шесть лет. На этом основании я и поступил 26-го августа 1826 года в Лицей, где я с самого начала до конца считался первым воспитанником по успехам и поведению.

Лицей имел тогда назначением приготавливать молодых людей для поступления как в высшие гражданские ведомства, так и в военную службу. Воспитанники не были обязаны, при самом поступлении, избрать то или другое поприще, и потому все проходили один общий курс, соединявший по возможности науки философские (*humaniora*) с юридическими. Еще в последнее время царствования Александра I на Лицее отразилась общая перемена во внутренней политике: Энгельгардт, при котором воспитанники действительно пользовались большой свободой, навлек на себя неудовольствие Государя и был заменен генералом Гольтгоером, который до того был директором так называемого Дворянского полка, и приобрел репутацию начальника, умевшего поддерживать строгую дисциплину. Действительно, он завел в Лицее порядок, и нарушения не проходили безнаказанно. Он был добрый, хотя и неученый немец, впрочем, знавший порядочно математику и потому ставивший ее выше всех наук. Содержали нас не дурно, если взять в расчет, что на каждого воспитанника отпускалось в сутки не более 10 коп.

Из стен Лицея к родным и знакомым отпускали нас по праздникам только на день, и мы не могли отлучаться никуда за пределы Царского Села и Павловска. Тот же порядок соблюдался даже и во время вакаций. Это в сильной степени развивало между тогдашними лицеистами дух товарищества и было благоприятно для занятий. Но слишком большое разнообразие предметов, которые нам преподавались, и какое-то смешение гимназического курса с университетским вредило основательности учения: в состав нашего курса входили исторические и политические науки, и право, и высшая математика с физикой. Из древних языков нас учили только латинскому, из новых иностранных французскому и немецкому (английский был введен гораздо позднее).

Недостаток основательного обучения вознаграждали мы в некоторой мере свободным чтением: конечно, многие ограничивались одними романами, но другие читали также исторические сочинения, классических писателей и поэтов. Не надо забывать, что мы поступили в Лицей только через 9 лет после выпуска Пушкина и Дельвига: предание о них и их товарищах было так еще свежо и не могло не иметь большого влияния на все наше умственное развитие: любовь к поэзии и попытки в стихотворстве сделались между нами тем более общими, что первый наш профессор по русской литературе -- Кошанский -- поощрял это направление. Между профессорами было несколько очень хороших: Кошанский по русской и римской литературе, Тилло по французской, Шульгин по географии и статистике, Врангель по правам и политической экономии, Архангельский по математике. Последний, к сожалению, скоро умер. Кошанский учил нас года два, Тилло года четыре. Преемники их -- Георгиевский, Карцов и Жилле были совсем не то, но между тем первые уже успели возбудить в некоторых из нас любовь к литературе и самостоятельному труду. По крайней мере, я в этом отношении считаю себя много